

Мэри Макколи

«Рогинский – прекрасный переговорщик и аналитик, прирожденный рассказчик, некоторые называют его «серым кардиналом», а мне он представляется Томасом Кромвелем правозащитного сообщества», – так я отрекомендовала Арсения английским читателям в своей последней книге. Спешу заверить русских читателей, что говорила не об Оливере Кромвелле, а именно о Томасе Кромвелле – человеке, родившемся в бедном пригороде Лондона и ставшем главным советником Генриха VIII, Томасе Кромвелле, которого некоторые считают «самым выдающимся государственным деятелем Англии всех времен». Разумеется, Арсений не главный идеолог движения Реформации, стоящий за внешнеполитическими решениями, разводами и браками Генриха VIII; его усилия направлены совсем на другое – на сохранение памяти о ГУЛАГе, о его истории, на поддержку разносторонней деятельности «Мемориала» и на содействие, при малейшей возможности, новым проявлениям гражданского общества. И все же личные качества Арсения, а также бурная, полная порогов и мелей жизнь – как в постсоветской России, так и в Англии эпохи Тюдоров – делают аналогию уместной.

«Какие качества Вы имеете в виду?» – спросите вы. Исключительную живость ума. Вы замечали, что Арсений может закончить едва начатое кем-нибудь предложение? Слушая вас, он может одновременно думать о чем-то еще, но при этом вы понимаете, что находитесь в центре его внимания. Он обладает удивительной способностью тонко чувствовать людей, их мысли и эмоции и реагировать на них. Возможно, поэтому его так хорошо воспринимают дети. Арсений – талантливый аналитик. Дипломат? Нет, не совсем. Может, скорее волшебник? Но волшебник, стремящийся найти возможные пути, направления в глухом лесу, а не проложить дорогу. Правозащитному сообществу необходимы люди с самыми разными талантами. Арсений не станет первым подписывать петицию, выступать с трибуны перед демонстрантами, на Гражданском форуме или в Президентском совете. Этим занимаются другие, не менее достойные. Но он здесь, немного в стороне, с ним советуются руководители, журналисты и активисты, прекрасно знающие о его даре добираться до сути дела и предлагать целесообразные стратегии. И, так же как и Томас Кромвель, при этом он не претендует на авторство или публичное признание.

А в чем, на мой взгляд, его отличие от Кромвелля? С самого детства тот был драчуном и часто пускал в ход кулаки. У Арсения же, как мне кажется, в школе могла быть репутация мальчика, способного поставить учителя в нелепое положение, не выходя за рамки примерного поведения. Мне доводилось слышать, что в колонии заключенные буквально выхватывали пилу у него из рук, чтобы дать ему возможность сесть и что-нибудь им рассказать. Не знаю, насколько это правда, но я бы ему пилу не доверила. А вот рассказать историю – с великим удовольствием! Мне бы очень хотелось, чтобы его послушали мои дети и внуки.